

ИННА
ВРОНСКАЯ

БРАЧНЫЙ
КОНТРАКТ

АННУЛИРОВАН

ПРОСЫПАЙСЯ МИЛЫЙ!

ЭТО -

МЕСТЬ

Инна Вронская

Просыпайся, Милый! Это - Месть!

«Автор»

2026

Вронская И.

Просыпайся, Милый! Это - Месть! / И. Вронская — «Автор»,
2026

— Карина, — муж встаёт с кресла, довольный собой. — Это Алиса. Наш новый креативный директор. Будущее агентства. Три пары глаза с интересом осматривают друг друга. Алиса смотрит на меня, я на Алису, а мой муж ей в декольте. — И, — Ярослав делает паузу, — моя новая женщина. — Что ты сказал? — Я решил не скрывать, Карина. Хватит игр. Тебе нужно это принять. Две женщины: одна на работе, другая дома. Меня это устраивает. — Что, прости? — Тебя стало трудно любить, — он разводит руками, и в этом жесте вся его подлость. — То голова болит, то спина. Ты не молодеешь, Карина. Смотрю на тебя вечером — халат, крем этот твой на лице, бигуди. А я хочу любви. Как раньше. Адреналина хочу! И тут я смеюсь. Громко, зло, до слёз. — Адреналина? — я вытираю уголок глаза. — Разве твой остеохондроз выдержит двух женщин, Ярик? — На работе выдержит, — цедит он. — А дома? — Львица в постели у меня уже есть. А дома будешь ты — моя верная кобылка-жена!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Инна Вронская

Просыпайся, Милый! Это - Месть!

Глава 1

— Мам! Я снова сменку потерял. Наверное, на улице оставил! Что мне надеть на физру?

Я не успеваю ответить, как из ванной летит второй крик:

— Мам, мааааам? Мам, там Даня в унитаз все игрушки скинул!

— Иду! — кричу я в потолок, хотя иду я никуда. Я стою посреди коридора с коробкой в руках и не могу пошевелиться.

Коробка пахнет чужой страной. Картон, солома, что-то смолистое, а под всем этим — будто море. Италия прислала мне кусочек себя, и на секунду весь этот утренний хаос — потертая сменка, утопленные игрушки, невыглаженная рубашка Ярослава на стуле — отступает.

Я вскрываю картон. Внутри, в мятой бумаге, — серьги. Муранское стекло.

Я поднимаю их к окну, и они вспыхивают: синее переливается в зелёное, зелёное — в фиолетовое, точно кто-то поймал северное сияние и запалял его в две хрупкие капли.

— Красивые, — шепчу я себе. — Как из другой жизни.

А ведь у меня была другая жизнь.

Двухтысячный год. Клуб «Рай». Я стою на сцене в мини-юбке, микрофон в руке горячий от моего голоса, а зал — весь зал — смотрит только на меня. Собчак в первом ряду щурится сквозь дым, Тимати кивает в такт моим словам, и я веду презентацию так, что звёзды ловят каждый мой вздох. Я — королева. Я — та, кого нельзя не заметить.

Куда всё это делось? Растворилось в манной каше, в потерянных сменках, в мужних рубашках.

Телефон дёргается на тумбочке.

— Карина! — голос Ярослава летит в ухо, весёлый, деловой. — Срочно в офис! Приезжай, познакомлю с гением!

— Ярик, у меня дети, Даня игрушки в унитаз...

— Полчаса тебе, Кариша! — тараторит муж с энтузиазмом, который я давно не слышала по-отношению к себе - Приезжай, не пожалеешь!

Ну раз так надо, то обязательно еду.

В офисе холодно. Не от кондиционера — от взглядов. Секретарша отводит глаза. Дизайнеры притихли за мониторами. Я иду по коридору, и каблуки стучат громче обычного, будто предупреждают меня.

В кабинете Ярослава — она.

Молодая. Двадцать пять, не больше. Грудь третьего размера натягивает белую блузку, губы блестят, а в глазах — наглость. Она сидит на краю стола Ярослава, как хозяйка, и улыбается мне так, будто это я здесь гостья.

— Карина, — Ярослав встаёт, довольный собой. — Это Алиса. Наш новый креативный директор. Будущее агентства.

— Очень приятно, — говорю я, хотя мне не приятно ни капли.

Три пары глаза с интересом осматривают друг друга. Алиса смотрит на меня, я на Алису, а мой муж ей в декольте.

— И, — Ярослав делает паузу, — моя новая женщина.

Воздух выходит из легких, как из пробитого шара.

— Что ты сказал?

— Я решил не скрывать, Карина. Хватит игр. — Он говорит спокойно, будто зачитывает список покупок. — Тебе нужно это принять. Две женщины: одна на работе, другая дома. Меня это устраивает.

Приплыли... Сначала я хотела сыграть в обиженную жену и оскорбленную женщину, а потом в душе наступило жуткое отвращение.

— Тебя устраивает. — Я слышу свой голос со стороны, чужой, звенящий. — А меня, значит, спросить забыл?

— А что тебя спрашивать? Ты и так согласишься. Ты всегда соглашаешься.

— Пятнадцать лет, Ярослав. Я родила тебе двоих детей.

— Вот именно, — он усмехается. — Родила. А была ведь ракета. Помнишь, какая ты была? А теперь? Теперь у тебя один разговор — про сменку и поликлинику.

— Потому что кто-то должен был этим заниматься, пока ты «строил империю»!

— Я тебя не заставлял. — Он пожимает плечами. — Ты сама выбрала кастрюли. Я тут при чём?

Я смотрю на него и не узнаю. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет я гладила эти рубашки, ждала до трёх ночи, отменяла своё ради его чужого.

— И давно она... у тебя?

— Какая разница.

— Давно?!

— Полгода. — Он даже не отводит глаз. — И, знаешь, эти полгода я снова дышу.

— А я, значит, тебе дышать мешала.

— Тебя стало трудно любить, — он разводит руками, и в этом жесте вся его подлость. — То голова болит, то спина. Ты не молодеешь, Карина. Смотрю на тебя вечером — халат, крем этот твой на лице, бигуди. А я хочу любви. Как раньше. Адреналина хочу!

И тут я смеюсь. Громко, зло, до слёз.

— Адреналина? — я вытираю уголок глаза. — Разве твой остеохондроз выдержит двух женщин, Ярик? Ты же на прошлой неделе носки поднять не мог, я тебе поясницу разогревала.

Алиса за его спиной перестаёт улыбаться.

— На работе выдержит, — цедит он.

— А дома? Дома я, значит, буду натирать тебя мазью, пока ты «получаешь адреналин» с этой... девочкой?

— Меня это устроит. — Он даже не краснеет. — Львица в постели у меня уже есть. А дома будешь ты — моя верная кобылка.

— Кобылка. — Слово встаёт мне поперёк горла. — Пятнадцать лет — и я кобылка.

— А кто? — Он наклоняется ко мне. — Кобылка и есть. Тянешь, везёшь, не жалуешься. Идеально.

— Знаешь, Ярик, — я говорю тихо, и от этой тишины он невольно замолкает, — я ведь тебя из ничего сделала. Ты помнишь, кем ты был, когда я тебя встретила? Ни офиса, ни клиентов, ни имени. Я тебе связи свои отдала, я тебя за руку по этому городу водила. А ты меня — кобылкой.

— Прошное, Карина. Кому оно нужно.

— Тебе не нужно. Потому что тебе стыдно. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Ты не потому меня меняешь, что я постарела. А потому что рядом с той, что моложе и глупее, ты кажешься себе умнее и сильнее.

Он бледнеет. Впервые за весь разговор.

— Ты... не смей мне указывать.

— Я и не указываю. Я прощаюсь.

Что-то внутри меня перестаёт болеть. Просто гаснет. Я чувствую ледяную, странную лёгкость, будто с меня сняли мешок, который я таскала полжизни и считала своей кожей.

Я открываю сумку. Достāju серьги. Муранское стекло вспыхивает в моих пальцах последним сиянием.

Алиса следит за мной, всё ещё пытаюсь улыбаться, но улыбка уже трещит по швам.

Я подхожу к ней медленно. Она не отстраняется — думает, я сдаюсь. Я вешаю серьги ей на уши, одну за другой, поправляю, как заботливая старшая сестра.

— Держи, дорогая, — говорю я тихо. — Это муранское стекло. Красивое. Но хрупкое. Она моргает.

— Как твоя карьера, — я улыбаюсь ей в лицо, — если ты свяжешься с этим козлом. Он ведь и тебя однажды назовёт кобылкой. Просто... ты для него львица. Пока молодая.

Улыбка сползает с неё окончательно.

Я поворачиваюсь к Ярославу. Он стоит, приоткрыв рот, впервые за пятнадцать лет не зная, что сказать.

— И да, Ярик. — Я закидываю сумку на плечо. — Ты можешь катиться к чёрту. Я завтра подаю на развод. Напомни, что у нас в брачном договоре?

Самодовольная улыбка вмиг стирается с лица мужа.

Каблуки стучат по коридору — теперь победно. Секретарша смотрит на меня с чем-то похожим на восхищение. Я выхожу на улицу, вдыхаю городской воздух, и он кажется мне почти таким же вкусным, как тот, из Италии. Свободным.

Я думаю, что худшее позади. Я думаю, что сегодня потеряла всё и всё вернула разом.

Но я ещё не знаю, что дома меня ждёт предательство куда страшнее этого...

Глава 2

Чёрный мусорный пакет в моих руках как флаг о капитуляции. Он раскрыт, как пасть, и я кормлю его пятнадцатью годами.

Костюмы Brioni летят первыми. Тёмно-синий, тот самый, в котором он подписывал первый крупный контракт — контракт, который я ему привела. В мешок. Серый, в тонкую полоску — в мешок. Я сдёргиваю их вместе с плечиками, и мне даже не жалко.

Галстуки Hermès — целый ящик, я собирала их по всему миру, привозила из каждой поездки. Оранжевый с лошадами, синий с якорями. Горстями — в мешок.

— Красиво жил, — говорю я вслух, и голос мой звенит в пустой квартире. — Красиво и за мой счёт.

Запонки Cartier в бархатной коробочке. Я держу их на ладони секунду — золото холодит кожу — и высыпаю в мешок следом за остальным. Пусть на помойке блестят.

— Пятнадцать лет, — шепчу я себе. — Пятнадцать лет я гладила эти галстуки. По одному. Вечерами. Как дура.

Дверь хлопает.

— Что здесь происходит?!

Ярослав в проёме. За его спиной — Алиса. Она пришла. Она пришла «поддержать». Стоит, скрестив руки, разглядывает мою спальню, мою жизнь, как товар на витрине.

— Собираю тебя, — я киваю на мешки. — Ты же переезжаешь к своей львице. Вот, помогаю.

— Ты рехнулась?! — Он бросается к мешкам, выхватывает пиджак. — Это Brioni! Это стоит как наша машина!

— Тогда тебе будет что продать на алименты.

— Ты... — Он задыхается. — Ты превратилась в старуху с блошиного рынка! Слышишь, Карин? Старуху! Как я еще с тобой в постель ложился!

— Я просто жила для тебя, Яр. — отвечаю я спокойно — В этом была моя ошибка.

— Да кому ты нужна такая, Карин?! Благодродство нынче не в почете. Жила и жила, сейчас все изменилось и стоит просто принять мои условия.

Каждое слово — как пощёчина. Но я не отворачиваюсь. Я стою и смотрю на человека, которого любила, и не могу понять, куда он делся.

И тут я слышу шаги.

— Мам? Пап?

Гриша. Мой Гриша, тринадцать лет, вихор на макушке, глаза мои. Он стоит в дверях и смотрит: на отца, на Алису, на меня, на мешки с костюмами. Смотрит долго.

— Гриша, иди в комнату, — прошу я. — Взрослые разговаривают.

Но он не уходит. Он смотрит на меня — и в глазах его что-то меняется. Что-то чужое.

— Мам, ну ты реально совсем с ума сошла?

Я замираю.

— Что ты сказал?

Как бы дать сейчас по губам...

— Мама ты сошла с ума! — Он повышает голос, и в этом голосе — интонации отца. — Папа же кормилец! Без него мы будем нищими! Ты со своими побрякушками даже на коммуналку не зарабатываешь! Ты вообще о нас думаешь? Или только о себе? Ты о Дане подумала? О школе моей?

— Гриша...

— Я с папой! — выкрикивает он. — Слышишь? Я с папой уйду!

Мир останавливается.

Всё, что орал Ярослав, — я вынесла. Каждое слово. Но это — из уст сына, которого я носила под сердцем, которому пела по ночам, ради которого и стала той самой «скучной» — это разрывает меня пополам.

Слёзы подступают к горлу, жгут, давят. Я чувствую, как дрожит подбородок.

Но я не плачу. Я сглатываю. Я не дам им увидеть.

— Хорошо, Гриша, — говорю я, и голос почти не дрожит. — Оставайся с папой.

Ярослав ухмыляется. Алиса отводит взгляд.

— Оставайся, — повторяю я и делаю к сыну шаг. — Но запомни. Запомни хорошо, сынок. Когда ты поймёшь, кто на самом деле твой отец, — я буду ждать тебя. С открытыми объятиями. Всегда.

Гриша молчит. В глазах его мелькает что-то — растерянность, может быть. Но он упрямо вздёргивает подбородок и отворачивается.

Ярослав подходит к мешкам, хватая их — по два в каждую руку.

— Ты об этом пожалеешь, — цедит он. — Я устрою тебе развод, какого ты в страшном сне не видела. Ты останешься без всего. Без квартиры, без денег, без детей. Ты будешь ползать и просить.

— Уходи, Ярослав.

Он уже в дверях. И вдруг оборачивается. И говорит — почти мягко, почти по-доброму, и от этой доброты меня тошнит:

— Карин, ты подумай. — Он улыбается краешком губ. — У меня требования к тебе снизятся, слышишь? Совсем снизятся. Ты только прими нашу с Алисой ситуацию. Прими — и живи спокойно. Зачем тебе всё это?

Я смотрю на него. На мешки в его руках. На сына за его спиной. На молодую женщину, которая уже примеряет мою жизнь.

— Уходи, — повторяю я.

Дверь захлопывается.

И только тогда я оседаю на пол, прямо на ковёр, среди пустых плечиков, и слёзы, которые я держала так долго, наконец рвутся наружу — горячие, злые, солёные.

Руки сами тянутся к телефону.

- Алло, Танюш, ты не поверишь, мой козел новую козлиху встретил и ушел щипать траву в ее огород! Что делать-то?

А делать нам с Танюхой есть что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.